

ЕЩЕ РАЗ ПРО БАЛЕТ

Нет в мире искусства древнее. Кажется, что нового преднесешь в подарок Терпсихоре — все испробовано, все изучено. Но как только этот убавляющийся принцип утверждается на сцене, интерес к балету падает. Такое, судя по всему, наблюдается в некоторых наших театрах. А что происходит с балетом сегодня? Что ожидает его завтра? Об этом разговор с главным балетмейстером Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, народным артистом СССР, лауреатом международных конкурсов и лауреатом пражской Ленинского комсомола и Ленинградской комсомольской организации О. М. ВИНОГРАДОВЫМ.

— Олег Михайлович, цитировать рецензии на ваши недавние парижские гастроли не буду. Мы как-то привыкли: если вы за рубежом, значит, обязательно «триумф советского балета»...

— Вы, журналисты, и подаете нас в таком стиле. Никогда не читал о неудачных гастролках.

— Не думается ли вам, что искусство балета переживает определенный кризис? Не стало хороших спектаклей. Исчезли интересные постановки. Балет застенел?

— Кировский театр испытал свои кризисы. Были потеряны критерии, вовремя не позаботились о смене поколений. Десять лет назад доставшая мне труппа состояла на 60 процентов из людей пенсионного возраста — самая старая труппа в стране. Сегодня в Кировском танцует в основном молодежь. Мой закон — создать атмосферу, в которой молодые максимально проявили бы себя. У нас идет старинная классика — «Корсар», «Баядерка», «Раймояла», «Лебединое озеро», «Жизель»... Представлены великие балетмейстеры прошлого — Петипа, Фокина, Сен-Леон, Бурнонвалье... И современные балеты Вежара, Петти, Валанчина. Мы не имеем права отгораживаться от мира. Слава богу, информация сейчас доходит до нас шире, свободнее. Мы теперь отражаем не нашу узкую, дедовскую балетную эстетiku, а эстетiku сегодняшнего времени.

— Вы считаете, в балете она резко отличается от прежней? Что изменилось?

— Прежде всего люди. Они видели и знают больше. Спектакли, что принесли мне известность в конце семидесятых, и в завтра взять не смогу. Например, чисто развлекательный балет — кто его будет смотреть? В зале чутко воспринимают сюжет. Предвижу стремление к балетной

пьесе — в ней и крупные партии, и диапазон выразительных театральные средств. Я — за театральные балетные спектакли. В него удастся вложить все: заиграют живописные декорации, великолепные костюмы, необычный свет, элементы новой техники.

— Какой же?

— Равной, даже акробатичности, спорта. Не удивляйтесь. Балету не обойтись без перемен. Балетмейстер умирает в актерах! Ты родишь каждый момент на сцене, но тебе уже ничего не принадлежит. И ты бессильен что-либо исправить. Вот ведь ужас в чем. Композитор сочинял музыку — она принадлежит ему. Художник сотворил декорации — он автор. А спектакль, поставленный тобой, — уже не твой.

— Вы упоминали декорации. Не бываю ли они даже чересчур хороши, отвлекают? Вот плыва на сцене лодка в первом акте «Корсара», и зрители зашуршали программками: ищут имя художника.

— И хорошо, если теперь они его знают: Теймураз Мурванидзе того заслужил. Я сделал это в «Корсаре» не случайно. Из многих постановок ушла театральность. Зачем же попираешь законы зрелищности? Был период — вместо декорации сплошные условности: на сцене черный фов и все. Но это же схема. Я за разные формы, и ня в коем случае одна не должна вытеснять, подавлять другую.

— Не лучше ли, Олег Михайлович, попробовать новинки не на классике — в современных балетах?

— Кто же против? Посмотрите нашего «Броненосца «Потемкина». В Париже знаменитый французский балетмейстер Морис Бежар сказал при всей труппе, что это — лучшее из увиденного им.

— Нам балет — предмет русской национальной гордости. В былые годы иностранные прамы брали русские

имена. Мы не растеряем традиций?

— Посмотрите, кто сегодня вместе с нами определяет развитие международного мирового балета, кто преподает в ведущих школах. Так или иначе с Россией связанные — либо русские, либо в СССР учившиеся. В Советском Союзе в хореографических училищах подают талантливейшие — конкурсы по-прежнему громадный. На Западе — кому по силам платить. В самой нашей системе заложены определенные преимущества, такие для нас естественные, такие мы о них и не вспоминаем. А они в какой-то степени помогают держать лидерство.

— Во время вашего последнего выступления во Франции газеты особо отмечали молодых артистов, Фарука Рузиматова — ему 24 года. Хвалили Алтынай Асылмуратову, которой 26. Вы говорили, что большинство группы молодежь. Как ей живется? Кто особо по душе главному балетмейстеру?

— Упомяну еще нескольких солистов: Саша Лунева, Лена Панкова, Юлия Махалина — ей 18 лет, она только на училища и уже танцевала ведущие партии. Голом старше Вероника Иванова. Вот о ком говорят. Плюс у нас отличные резервы. Солист должен вписываться в рисунок кордебалета. Здесь прививаются и воспитываются необходимые для солиста качества. Где бы мы ни гастроллировали, что бы ни показывали, кордебалет — наша первая гордость. Помогает молодежный творческий клуб. Он экспериментирует, выпускает спектакли, которые сильно отличаются от тех, что ставит основная группа. Клуб молодых — он как бы внутри нас, и возмужает его молодой балетмейстер Андрей Босов.

— Балет молод по сути. Однако посмотрите, кто сидит в зале. Молодежи почти нет.

— Молодежная аудитория совершенно театром потеряна. Пытаемся вернуть потерянное, готовим для юных рок-балет «Репетиция» на очень хорошую музыку венгерского композитора Прессера в постановке его соотечественника Федора. Занят в нем молодежный состав.

— Судя по всему, Олег Михайлович, спокойной жизни не ожидается?

— Откуда? В Италии предложили быть директором Веронского балета. Но это к слову. Собираюсь поехать на открытой арене старинной Вероны ночной балет «Ромео и Джульетта». В 1990 году в Вероне сыграют матчи чемпионата мира по футболу. К этому времени предполагается и премьера. Хочу собрать балетную сборную мира. Работы и планов столько...

Н. ДОЛГОПОЛОВ.